

Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах

Виктор Каплун

Доцент, департамент социологии, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» экономики в Санкт-Петербурге (НИУ ВШЭ СПб). Адрес: 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17. E-mail: vkaploun@hse.ru.

Ключевые слова: политическая теория; Фуко; *gouvernementalité*; *Governmentality Studies*; власть; государство; либерализм; управление собой и другими; этический субъект; русский Фуко; *contresens* в переводах Фуко.

Gouvernementalité (англ. *governmentality*) — неологизм, впервые использованный Мишелем Фуко в 1978 году, — сегодня входит в число основных понятий социальных наук. Этим термином обозначают разработанную Фуко новую перспективу понимания и анализа феномена «власти» и ее конкретных форм, характерных для разного типа культур и сообществ. Эта перспектива стала основой для развившегося в последние десятилетия междисциплинарного исследовательского поля, обозначаемого в англоязычных социальных науках как *Governmentality Studies*. Она среди прочего предлагает новый взгляд на генеалогию и специфику современных форм власти, где «власть» — в отличие от традиционных парадигм в политической философии — уже не мыслится через «государство».

В данной работе 1) разработаный Фуко исследовательский подход к феномену власти сопоставляется с традиционными парадигмами в политической философии; 2) демонстрируется, как Фуко использует понятие *gouvernementalité* в разные годы при обсуждении тем власти и морального субъекта; 3) характеризуются специфика раннего периода *Governmentality Studies*; 4) показывается, что имеющиеся русские переводы основных работ Фуко, в которых используется понятие *gouvernementalité*, не просто очень приблизительны, но в значительной мере представляют собой *contresens* — интерпретацию, по смыслу противоположную оригиналу. В совокупности они не столько открывают, сколько закрывают для русскоязычного читателя фукианскую исследовательскую перспективу.

I. Необходимость прояснения

«**Ч**ЕРЕЗ тридцать лет после смерти Фуко понятие „гouvernementальность“ (*le concept de gouvernementalité*) оказалось в высшей степени успешным в социальных и гуманитарных науках», — отмечает современный французский исследователь¹. И это действительно так. Предложенный Фуко подход к анализу отношений власти, маркером которого стало это понятие, в последние десятилетия послужил основой для развития целого ряда исследовательских направлений² и, более того, способствовал возникновению отдельной междисциплинарной области исследований, получившей в англоязычной литературе название *Governmentality Studies*³.

Проблематика гevernementальности во многом альтернативна традиционным подходам к феномену власти, существовавшим в политической философии до Фуко. Она выходит далеко за пределы того, что традиционно относили к сфере политического, и располагается на стыке политической теории с фило-

Отдельные положения данной статьи были представлены в докладе, прочитанном на конференции «Актуальность Фуко. Идеи Мишеля Фуко и современное общество», которая была организована Центром изучения гражданского общества и прав человека и прошла при финансовой поддержке Фонда им. Эндрю Гагарина на факультете свободных искусств и наук (СПбГУ) 14–15 декабря 2017 года.

1. *Laborier P. La gouvernementalité // Michel Foucault. Un héritage critique / J.-F. Bert, J. Lamy (dir.). P.: CNRS, 2014. P. 179.*
2. См., напр., внушительный список работ из разных дисциплинарных полей, опирающихся на предложенный Фуко подход: *Ibid.* P. 180.
3. Сам термин вначале станет популярным именно в англоязычном академическом мире и в английской транскрипции, в частности, благодаря сборнику: *The Foucault Effect. Studies in Governmentality / G. Burchell et al. (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1991.* Оригинальное понятие приобретет авторитет во Франции лишь позднее. В сборник 1991 года будут включены среди прочего два текста и одно интервью самого Фуко, в том числе его знаменитая лекция из курса 1977–1978 года в Коллеж де Франс (см. сноску 6). О «карьере» понятия *governmentality* в англоязычном мире см., напр.: *Донзло Ж., Гордон К. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире / Пер. с англ. А. Корбута; под ред. А. Бикбова // Логос. 2008. № 2 (65). С. 4.* См. также комментарий Мишеля Сенелара в: *Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова и др. СПб.: Наука, 2011. С. 510–511.*

софией языка, историей, социологией, антропологией и этикой. Во Франции эта трансверсальность исследовательской перспективы Фуко по отношению к традиционным дисциплинарным делениям повлияла на целое поколение исследователей и способствовала ломке старых дисциплинарных барьеров, в том числе между философией и социальными и гуманитарными науками. В целом она, с точки зрения некоторых, привела к переопределению условий, в которых философский анализ оказывается способен сохранить свою критическую функцию и актуальность в современных обществах⁴.

В русскоязычной академической среде Фуко сегодня — один из самых популярных социальных теоретиков. На русский переведены почти все его основные работы. В то же время использовать разработанные им концептуальные инструменты в текстах на русском языке подчас оказывается затруднительно — как из-за понятийной разноголосицы или неточности отдельных переводов, так и из-за произвольности опирающихся на такие переводы интерпретаций.

Фукианскому *gouvernementalité*, как будет показано ниже, на русском повезло меньше всего, и здесь требуется определенная работа по прояснению.

Ниже я попытаюсь: 1) резюмировать разработанный Фуко обший исследовательский подход к феномену власти, к которому отсылает понятие *gouvernementalité*, и сопоставить его с традиционными парадигмами в политической философии; 2) раскрыть, как это понятие используется в исследованиях Фуко разных лет; 3) охарактеризовать специфику раннего периода становления ан-

4. Приведу свидетельство Брюно Карсенти, профессора парижской Высшей школы социальных исследований (EHESS), одного из тех, кто определяет облик современной политической и социальной теории во Франции: «Следует признать, что интеллектуальное поколение, к которому я принадлежу, обязано Фуко очень важными вещами. Фуко, очевидно, самый яркий свидетель перехода от одной философии к другой — перемещения традиционной философской практики в место, которое он из всех сил постарался не догматизировать жестким расчерчиванием и именованьем; не из-за неспособности это сделать или непоследовательности, но, очевидно, потому, что понял лучше, чем кто-либо другой, — по меньшей мере начиная с книги „Слова и вещи“ и предложенной им перспективы взгляда на современную (*moderne*) *épistémé* и ее исчерпание, — что сегодняшняя актуальная мысль, там, где она способна вновь стать действенным критическим анализом, не должна больше оставаться в плену дисциплинарных делений и вытекающих из них конфликтов» (*Karsenti B. D'une philosophie à l'autre. Les sciences sociales et la politique des modernes*. P.: Gallimard, 2013. P. 28–29).

гоязычных *Governmentality Studies*; 4) показать, что имеющиеся на данный момент переводы основных работ Фуко, в которых используется понятие *gouvernementalité*, не просто весьма приближительны, но в очень значительной степени представляют собой то, что по-французски называется *contresens* — интерпретация, по смыслу противоположная оригиналу; в совокупности они не столько открывают, сколько закрывают для русскоязычного читателя фукианскую исследовательскую перспективу.

II. *Gouvernementalité* и *gouvernement*: семантика понятий и проблема перевода

Понятие *gouvernementalité* Фуко впервые использует в своем лекционном курсе «Безопасность, территория, население», читавшемся в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году⁵. Он вводит его в четвертой лекции курса, прочитанной 1 февраля 1978 года⁶. Наиболее часто этот термин встречается у Фуко в лекциях этого года и в курсе следующего, 1978–1979 года, который он назовет «Рождение биополитики»⁷. В это время Фуко занимается в основном анализом форм власти, развившихся параллельно и в связи со становлением нововременного государства и, в частности, проблематикой современного либерализма. С начала 1980-х годов он начинает интересоваться в большей степени другими темами — генеалогией «морального субъекта», проблематикой «заботы о себе» в греко-римской античности и раннем христианстве и т. д. Но, хотя в этот период термин *gouvernementalité* в текстах Фуко употребляется реже, это понятие будет играть роль важного

5. Foucault M. Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1977–1978 / F. Ewald, A. Fontana (dir.). P.: Gallimard; Seuil, 2004. О русских переводах этого и других лекционных курсов Фуко см. раздел VII.

6. Эту лекцию (вместе с продолжающей ее пятой лекцией курса) некоторые комментаторы считают основным текстом Фуко о *gouvernementalité* (см., напр.: Laborier P. Op. cit. P. 169). Ее многократно публиковали на разных языках в виде отдельной статьи. В печатном виде она впервые появится в 1978 году в переводе на итальянский под названием *Governamentalità* в итальянском журнале *Aut-Aut*. В 1979 году в британском журнале *Ideology and Consciousness* будет опубликован английский перевод. Позднее этот перевод в новой редакции войдет в упоминавшийся выше сборник *The Foucault Effect* и в этой версии получит широкое хождение (Foucault M. Governmentality // *The Foucault Effect. Studies in Governmentality*. P. 87–104).

7. *Idem*. Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979 / F. Ewald, A. Fontana (dir.). P.: Gallimard; Seuil, 2004.

концептуального инструмента в его исследованиях вплоть до последнего года его жизни. Вместе с несколькими другими понятиями фукианского словаря оно позволит Фуко соединить три основные оси его исследований современных обществ и их генеалогии, предпринятых в разные годы, — режимы знания, типы власти, формы морального субъекта — в единый исследовательский и философско-политический проект⁸.

Адекватно передать фукианское *gouvernementalité* по-русски одним словом-термином затруднительно⁹. Не претендуя на то, чтобы задать переводческую норму, я буду использовать ниже для передачи *gouvernementalité* просто кальку с французского — «гувернаментальность». Конечно, это не слишком изящный неологизм, но в данном случае это, возможно, не так плохо, если исходить из принципа соответствия оригиналу¹⁰. В некоторых аспектах это не идеальный вариант, но он достаточно хорошо подходит в качестве инструмента для решения основных задач данной работы. Впрочем, такой выбор продиктован не только техническими задачами. Возможно, фукианское *gouvernementalité*, действительно, лучше передавать в переводе калькой. Аргументом в пользу такого решения может послужить тот факт, что оно соответствует сложившейся за несколько десятилетий практике переводов Фуко на другие европейские языки¹¹ и отвечает критерию соотносимости словарей современ-

8. В рамках возникшего в 1990-е годы англоязычного поля *Governmentality Studies* под исследовательской перспективой *gouvernementalité* иногда понимают исключительно анализ современных форм власти в связи с проблемой государства и экономического мышления (в частности, либерализма и неолиберализма). Ниже я попытаюсь показать, что такая интерпретация представляет собой сужение фукианской аналитической перспективы, и кратко обрисовать обстоятельства ее появления (см. раздел IV).

9. Это неоднократно отмечали сталкивавшиеся с этой проблемой русские переводчики (см., напр., примечание Андрея Корбута в: Донзло Ж., Гордон К. Указ. соч. С. 3–4).

10. «...Ce vilain mot de „gouvernementalité”» («...Это уродливое слово „гувернаментальность”»), — с иронией скажет о введенном им неологизме сам Фуко в начале пятой лекции курса «Безопасность, территория, население», где он развивает тему, заявленную в четвертой лекции: «Я хотел бы сейчас начать небольшой обзор размеров того, что я раньше назвал этим уродливым словом „гувернаментальность”» (*Idem. Sécurité, territoire, population*. P. 119).

11. Выбор в пользу кальки для перевода *gouvernementalité* был сделан не только в тех языках, где он очевиден (как в итальянском с *governamentalità* и в английском с *governmentality*), но и там, где калька выглядит очень

ных социальных наук на разных языках. В определенной степени оно может быть оправданно и содержательно, поскольку в кальке «гувернаментальность» присутствует тот же корень, что и в ряде русских слов французского происхождения — таких как «губернатор» и «губерния», «гувернер» или «гувернантка», — отсылающий к широкому спектру значений: от «правления» и «управления» (в диапазоне от политического до менеджериального значения слова) до «руководства», «опеки» и «наставления» (в смысле отношений наставничества, опекуна, руководства детьми). Этот спектр значений хорошо укладывается в фукианское широкое понимание отношений власти, о котором будет сказано ниже. Кроме того, калька «гувернаментальность» оказывается в переводе удобным лингвистическим инструментом. Она позволяет образовывать новые производные слова, хорошо передающие соответствующие неологизмы Фуко и связанные с ними фигуры мысли¹². Но главный аргумент в пользу такого решения в другом. Оно, как будет показано ниже, позволяет избежать в переводе серьезной ошибки, искажающей всю логику фукианского анализа, а именно ассоциации *gouvernementalité* с «правительством», «правительственной ментальностью» и «государственным управлением».

Понятие *gouvernementalité* тесно связано с еще одним важным понятием фукианского словаря — *gouvernement*. В концептуальном инструментарии Фуко последнее в ряде отношений даже более

искусственно. Так, в немецких переводах Фуко какое-то время конкурировало несколько вариантов перевода, но в итоге здесь тоже закрепляется калька с французского, адаптированная с помощью суффикса, — *Gouvernementalität* (см., напр.: *Gouvernementalität der Gegenwart. Studien zur Ökonomisierung des Sozialen* / Ü. Bröckling et al. (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 2000). В немецком это решение оказывается вынужденным, и, несмотря на очевидную искусственность неологизма *Gouvernementalität*, он в итоге вытесняет предложенный ранее термин *Regierungsmentalität* («правительственная ментальность»), который, как отмечает Мишель Сенеяр, основан на ложной этимологии и ошибочен по смыслу, поскольку французское слово *gouvernementalité* ни морфологически, ни семантически не является составным производным от слов *gouvernement* (правительство/правление/управление) и *mentalité* (ментальность) (*Foucault M. Sécurité, territoire, population*. P. 406. Note 126).

12. Благодаря этому оказывается возможным точно передать на русском ряд важных формул Фуко, когда он, например, говорит о характерном для современных обществ феномене «гувернаментализации государства (*gouvernementalisation de l'État*)» (Ibid. P. 112) или еще что «государство... оказалось... гувернаментализировано (*l'État... s'est trouvé... gouvernentalisé*)» (Ibidem). См. сноски 31 и 60.

значимо, чем первое. Фуко нередко объясняет *gouvernementalité* через *gouvernement*, а сам термин встречается в его текстах значительно чаще, чем *gouvernementalité*¹³. Связанная игра употреблений этих терминов у Фуко во многом определяет саму логику предложенного им анализа феномена власти.

Фукианское *gouvernement* я буду передавать в общем случае как «(у)правление» (с «у», взятым в скобки)¹⁴. Искусственность такого перевода, с моей точки зрения, искупается тем, что он позволяет не только наиболее адекватно передать семантический спектр понятия, но также сделать сам термин узнаваемым в переводе, что, в свою очередь, позволяет читателю не путать обыденное значение слова «управление» и его техническое значение как понятия фукианского словаря.

В общем случае *gouvernementalité* — это совокупность практик *gouvernement*, образующих стратегическое поле отношений власти в данную конкретную эпоху в данной конкретной культуре, и их рационализация в соответствующем дискурсе. *Gouvernementalité* может употребляться у Фуко как в единственном, так и во множественном числе. Губернаментальность (губернаментальности) как объект исследования — это варьирующиеся от эпохи к эпохе и от культуры к культуре парадигмы (у)правления; они включают в себя совокупности практик, или техник, посредством которых люди или группы людей в данной культуре определенным образом направляют поведение друг друга и свое собственное, плюс концептуализацию этих техник и практик в формах знания, предписаниях, рекомендациях в научной, управленческой, моралистической, педагогической, духовной или иной литературе соответствующей эпохи.

Конечно, с точки зрения филологического идеала при переводе с одного языка на другой однокоренные слова следует пе-

13. Частоту употреблений этих терминов у Фуко можно оценить, например, по указателю к четырехтомному изданию статей и выступлений Фуко (*Idem. Dits et écrits* / D. Defert, F. Ewald (dir.). P.: Gallimard, 1994. Vol. IV: 1980–1988. P. 868).

14. Хотя в современном французском языке само слово *gouvernement* имеет еще одно очевидное значение — «правительство», Фуко во избежание путаницы специально оговаривает, что, когда речь идет об анализе отношений власти в перспективе губернаментальности, под *gouvernement* он имеет в виду не политический институт и не государственный орган («правительство»), а определенную практику — практику (у)правления поведением (см., напр.: *Idem. Naissance de la biopolitique*. P. 323–324). Подробнее о фукианском понятии *gouvernement* будет сказано в разделе III.

редавать однокоренными же. Однако, как я попытаюсь показать в разделе VII, в случае переводов Фуко попытки следовать этому принципу и переводить *gouvernementalité* русскими словами с корнем «прав» («правительственность», «правительственная ментальность», «государственное управление» и др.) ведут к серьезным искажениям смысла и, более того, к приписыванию Фуко того традиционного стиля мышления о власти и государстве, от которого он как раз и пытается дистанцироваться с помощью разработанных им концептуальных инструментов. Поэтому я в данной работе счел возможным пожертвовать менее значимой филологической стороной вопроса ради концептуальной ясности и более точной передачи специфики фукианского аналитического подхода. Такое решение позволяет избежать общего для существующих русских переводов Фуко концептуального недоразумения, согласно которому субъектом гувернаментальности и (у)правления оказывается правительство и, шире, государство¹⁵.

III. Концепция власти Фуко и нововременная традиция политической философии

Наиболее последовательно Фуко формулирует свое понимание феномена власти в отдельном большом эссе 1982 года «Субъект и власть»¹⁶. В этом тексте Фуко попытается резюмировать и впи-

15. Предлагаемое здесь решение по своей логике подобно тому, которое закрепилось в немецких переводах Фуко, где используемая для передачи *gouvernementalité* калька с французского — *Gouvernementalität* — также имеет иной корень, чем немецкие слова другого однокоренного ряда: *Regierung* (правительство/правление), *regieren* (править/управлять) и пр. (см. сноску 10).

16. Этот текст впервые опубликован по-английски в: *Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Chicago: University of Chicago Press, 1982. Он во многом представляет собой ответы на уточняющие вопросы, возникавшие в ходе совместных бесед Фуко с Хьюбертом Дрейфусом и Полом Рабиноу, коллегами Фуко из Беркли, с которыми он много работал в последние годы жизни. По-французски он будет опубликован в 1984 году во французском издании книги Дрейфуса и Рабиноу (*Idem. Michel Foucault, un parcours philosophique. Au-delà de l'objectivité et de la subjectivité* / F. Durand-Bogaert (trans.). P.: Gallimard, 1984) и воспроизведен в: *Foucault M. Le sujet et le pouvoir // Dits et écrits*. Vol. IV. P. 222–243 (рус. пер.: Фуко М. Субъект и власть // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3 / Пер. с фр. Б. М. Скуратова; под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. С. 161–190).

сать в единую исследовательскую перспективу свои предыдущие работы (в частности, исследования нововременных форм власти и либерализма, предпринятые в конце 1970-х годов) и текущую программу исследований¹⁷.

Свою общую исследовательскую программу Фуко формулирует здесь с помощью понятия *gouvernement*, перекидывая одновременно концептуальный мостик к своим лекциям 1977–1978 года «Безопасность, территория, население», где было введено понятие *gouvernementalité*. Там Фуко подробно разбирал спектр значений термина *gouvernement*, в частности тех, которые слово имело в старофранцузском языке XIII–XV веков и позднее, во французском XVI века, когда начинает складываться нововременное государство, а в теоретических текстах приобретает популярность новая идея (у)правления поведением людей¹⁸. Теперь, в 1982 году, Фуко характеризует с помощью понятия (у)правления общую специфику отношений власти:

Власть, по сути, имеет характер не столько лобового столкновения между двумя противниками или же обязательств, принимаемых одним по отношению к другому, сколько характер «(у)правления» («*gouvernement*»)¹⁹. Следует оставить за этим словом очень широкое значение, какое оно имело в XVI веке. Оно относилось не просто к политическим структурам и администрированию государств — но обозначало способ руководить поведением индивидов или групп: (у)правление детьми, душами людей, общинами, семьями, больными. Оно охватывало не просто институированные и легитимные формы политического и экономического подчинения — но типы действия, продуманные и просчитанные в большей или меньшей степени, однако все предназначенные для воздействия на возможности действовать других индивидов. (У)(на)правлять (*gouverner*) в этом смысле — это структурировать поле возможного действия других. Характерный для власти собственный тип отношений нужно искать, следовательно, не со стороны насилия и борьбы и не со стороны договора и добровольной связи (которые, самое большее, могут быть лишь ее инструмента-

17. Фуко в этот момент работает среди прочего над последними томами «Истории сексуальности» («Использование удовольствий», «Забота о себе» и «Признания плоти»), посвященными истории этического субъекта, моральных проблематизаций и практик себя в западной культуре.

18. См. уже упоминавшиеся лекции от 1 и 8 февраля 1978 года (4-я и 5-я лекции курса).

19. Кавычки принадлежат Фуко.

ми); но со стороны этого особого типа действия — ни военно-боевого (*guerrier*), ни юридического, — каковым является (у)правление²⁰.

В целом предлагаемое здесь понимание феномена власти — это взгляд с точки зрения практики. Фуко полагает, что реалистическая аналитика власти должна начинаться с отказа от самой формы вопроса о власти, характерной для основных традиций политической философии Нового времени. Вместо того чтобы спрашивать «Что такое власть?» (например, является ли насилие сущностью власти и т. д.) и «Откуда возникает власть?» (вопрос о первопричине власти и о том, что ее легитимирует), вопрос о власти нужно ставить в форме: «Как власть осуществляется?»²¹ Другими словами: «Как это работает?» Такая форма вопроса сразу переводит проблематику власти из области поисков некой вневременной сущности феномена власти в область анализа исторически и культурно локализованных практик. Речь идет, таким образом, о возможности эмпирического и критического анализа конкретных форм власти.

Отсюда следует несколько принципиальных тезисов. Прежде всего, сам термин «власть» может вводить в заблуждение, заставляя думать, что речь идет о некой субстанции или сущности. Более точным, полагает Фуко, было бы говорить не о «власти», но об «отношениях власти», поскольку власть существует только в виде отношений (отношений индивида с индивидом, группы с группой, группы с индивидом и т. д.):

Начинать рассмотрение темы власти с анализа «того, как» — значит осуществить по отношению к идее некой фундаментальной власти (*supposition d'un pouvoir fondamental*) несколько критических сдвигов. Это значит, что нужно сделать объектом своего анализа *отношения власти* (*des relations de pouvoir*), а не власть (*un pouvoir*)...²²

Изменение исследовательской перспективы оказывается необходимым, поскольку, с точки зрения Фуко, ни нововременная традиция политической философии, ни другие современные формы знания не дают концептуальных инструментов, необходимых для анализа собственно отношений власти. Такие научные

20. Ibid. P. 237.

21. Ibid. P. 232–233.

22. Ibid. P. 235.

дисциплины, как экономическая теория и экономическая история, выработали адекватные инструменты для анализа отношений между людьми в процессе производства («производственных отношений»), лингвистика и семиотика — для отношений, осуществляющихся в процессах символического обмена («смысловые отношения»):

Но в том, что касается отношений власти, не имелось никакого определенного инструмента; мы пользовались способами мыслить власть, опиравшимися либо на юридические модели (что легитимирует власть?), либо на модели институциональные (что такое государство?)²³.

Между тем у отношений власти есть собственная специфика, и для их анализа необходимы соответствующие инструменты. В самом общем виде понятие «власть» указывает на возможность воздействовать на возможные действия другого. Отношения власти — это отношения, в которых одни воздействуют на действия других (как актуальные, так и будущие). Осуществление власти есть, таким образом, особого типа действие — действие, направленное на действия. Посредством его индивиды или группы структурируют поле возможных действий друг друга. Вопрос о том, как осуществляется власть, есть, следовательно, вопрос о том, как люди осуществляют (у)правление поведением друг друга и — добавим, забегая вперед, — как они осуществляют (у)правление самими собой²⁴.

Осуществление власти как действие на возможные действия другого не сводится к сфере политики в узком смысле слова. Политическое (у)правление есть только частный случай отношений

23. Ibid. P. 223.

24. Осуществление власти как «руководство поведением» (*conduite des conduites*, дословно: «поведениями», во множественном числе) — формула Фуко, которая станет знаменитой. Она отсылает среди прочего к важной особенности отношений власти, понимаемых как «(у)правление». Выражение *conduire des conduites* («руководить поведением», «направлять поведением») описывает одновременно и характер действия по отношению к другим (руководить поведением других — «вести других»), и тип действия по отношению к самому себе (руководить собой — «вести себя»). Внутри отношений власти первое неразрывно связано со вторым. В целом «(у)правление» и «руководство поведением» оказываются у Фуко понятиями одного порядка и нередко используются совместно для описания общей специфики отношений власти как особой области исследований (см., напр.: Ibid. P. 237).

власти. Понятые как «руководство поведением», они неизбежным образом присутствуют внутри любых социальных отношений, в любых обществах, в рамках любых социальных институтов — между индивидами и группами, находящимися в самых разных социальных ролях и положениях (между супругами в рамках института семьи, между родителями и детьми, между врачами и больными, между психиатрами и их пациентами, между учителями и учениками и т. д.).

Это означает, что отношения власти неправильно понимать как «надстройку». Они не есть некая отдельная структура, надстроенная «над обществом» (как иногда понимают государство), которую можно было бы попытаться устранить, чтобы учредить общество «без власти». Отношения власти укоренены в самой социальной связи:

Жить в обществе — значит в любом случае жить таким образом, чтобы люди имели возможность действовать на действия друг друга. Общество «без отношений власти» может быть только абстракцией²⁵.

Какова связь между «властью» и «насилием»? В распространенной версии современной политической философии, опирающейся на Макса Вебера, принято считать, что сама сущность феномена власти (по крайней мере политической) определяется насилием²⁶. С точки зрения Фуко, специфику отношений власти следует искать в другом. Отношения насилия предполагают действие на другого как на *объект*, насилие лишает другого субъектности и сводит его к полной пассивности. Отношения власти, в отличие от отношений насилия, предполагают, что воздействие осуществляется не непосредственно на другого, но на его возможные действия. Это означает, что внутри отношений власти другой (тот, чье поведение стремятся направлять) всегда поддерживает в статусе *субъекта* действия и для него всегда остается открытым поле возможных ответов, изобретений, встречных действий на действия²⁷.

Это означает, что в отношении власти — как обязательный элемент — всегда встроена свобода. (У)правление всегда осуществля-

25. Ibid. P. 239.

26. См., напр.: Вебер М. Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденоко // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

27. Foucault M. Le sujet et le pouvoir. P. 236.

ется в отношении того, у кого имеется поле собственных возможных действий и ответов на действия других, пытающиеся направлять его действия. Отношения, сведенные к чистому физическому насилию (человек в кандалах), перестают быть отношениями власти²⁸. Можно сказать, что в фукианской перспективе понимания власти отношения насилия представляют собой своего рода предельную, выродившуюся форму отношений власти, в которой последние теряют свою специфику.

Таким образом, фукианская аналитика власти предполагает дистанцирование от двух основных традиций в политической философии Нового и Новейшего времени: от подхода, предлагающего видеть сущность власти в легитимирующем ее (и государство) договоре, добровольном согласии подчиняться и делегировании прав (условно — традиция общественного договора); и от подхода, видящего сущность власти в институциональном принуждении, в скрытом или явном насилии, локализованном в институте государства, понимаемом как орудие господства (условно — традиция *Realpolitik*). Конечно, подчеркивает Фуко, и добровольное согласие, и насилие могут быть предварительными обстоятельствами и инструментами осуществления власти; и, разумеется, институциональные условия и ограничения влияют на стратегическое поле отношений власти. Но не они определяют собственную их специфику. Концептуальный сдвиг, который, с точки зрения Фуко, необходимо осуществить по отношению к существующей традиции политической мысли, предполагает отказ от привычки мыслить «власть» через «государство».

Наконец, еще один важный концептуальный сдвиг, который фукианская аналитика власти предлагает по отношению к традиционному пониманию «власти» в социальных науках. В предложенной Фуко перспективе анализа отношений власти проблематика (у)правления — руководства возможными действиями другого (других) — оказывается неразрывно связанной с проблематикой (у)правления самим(ой) собой. Поэтому темы «практик себя», «моральных проблематизаций», «герменевтики субъекта», «морального субъекта собственных действий», а также историческая проблематика античной «заботы о себе» и ее последующие превращения и перехваты в христианстве (в практиках пастырской власти, развившихся в рамках института Церкви), а затем в нововременных формах гувернаментальности — все эти

28. Ibid. P. 238.

темы, которыми Фуко будет заниматься в последние годы жизни, в 1980-е годы, лишь на первый, поверхностный взгляд кажутся не связанными с его исследованиями форм власти в современных обществах, предпринятыми в 1970-е годы. Эти темы у Фуко составляют единый комплекс с его аналитикой власти и являются частью единого большого исследовательского и политико-философского проекта. Практики (у)правления собой и технологии себя, концептуализация моральных проблематизаций и типа отношения к самому себе в дискурсе, варьирующиеся от культуры к культуре, — все это конституирует индивида как субъекта собственных действий и определяет доступные для него тактики и стратегии действия и возможных ответов-противодействий внутри отношений власти в данной культуре. Таким образом, темы, которые принято относить к сфере этики и социальной или культурной антропологии, в фукианской перспективе оказываются частью аналитики власти и попадают в поле политической теории — если последнюю мы понимаем в расширительном по отношению к традиционной политической философии смысле.

Этот сдвиг Фуко осуществляет, в частности, через обращение к античной — греческой и римской — традиции политической и моральной мысли, дистанцируясь с ее помощью от нововременной традиции политической философии, предлагающей мыслить политическое как сферу договора и/или отношений господства и институционального насилия, — но в любом случае через «государство». Термин «гувернаментальность» среди прочего отсылает к этому концептуальному стыку, где анализ форм (у)правления другими (варьирующихся от эпохи к эпохе и от культуры к культуре) соединяется в единой аналитической перспективе с анализом форм (у)правления людьми самими собой (также представляющих собой культурную переменную).

IV. Гувернаментальность в современных обществах и проблема государства

Таким образом, фукианская перспектива анализа отношений власти предполагает в качестве базового методологического принципа отказ мыслить «власть» через «государство». В применении к домодерновым обществам, где отсутствует государство в современном смысле слова, этот принцип кажется относительно легко реализуемым. Но что конкретно он означает в применении к современным обществам?

В курсах лекций 1977–1978 и 1978–1979 годов «Безопасность, территория, население» и «Рождение биополитики» (посвященных нововременным формам отношений власти в их связи с институтами государства, которые начинают складываться в XVI веке и существуют в тех или иных формах до наших дней) Фуко многократно напоминает, что необходимо перевернуть отношение и мыслить не практики (у)правления, отталкиваясь от государства, но, наоборот, государство, отталкиваясь от практик (у)правления. Надо понимать государство не как субъект и не как место локализации власти, но, наоборот, отталкиваясь от практик (у)правления индивидов или групп друг другом, видеть государство как своего рода производную от гвернаментальности определенного типа — или даже как инвестированную такими практиками пустую форму. «Государство» — идет ли речь о некой совокупности реальных политических, правовых, бюрократических институтов или же о фигуре мысли, которой оперирует та или иная идеология, — нужно рассматривать не как субъект управления, а как инструмент тактических уловок определенной гвернаментальности:

Но государство есть не более чем перипетия (у)правления (*une péripétie du gouvernement*) — а не (у)правление есть инструмент государства. Или, во всяком случае, государство есть перипетия гвернаментальности²⁹.

Современное «государство», пресловутый Левиафан, вовсе не является наделенным волей единым политическим телом. Как подчеркивает Фуко в своей знаменитой лекции от 1 февраля 1978 года, в реальности оно представляет собой скорее лишенный единства и субъектности конгломерат разнородных феноменов:

В конечном счете государство, возможно, есть не более чем многокомпонентная разнородная реальность и мифологизированная абстракция, значимость которой сильно преувеличена³⁰.

Реалистический анализ отношений власти предполагает, что за государством как «мифологизированной абстракцией» нужно научиться видеть государство как совокупность разного рода институтов, инвестированную практиками «(у)правления» из раз-

29. *Idem*. Sécurité, territoire, population. P. 253.

30. *Ibid*. P. 112.

ных не-, до-, внесударственных форм жизни³¹. Кроме того, что эта совокупность не есть нечто цельное, она также не есть нечто устойчивое. Сфера того, что должно рассматриваться как относящееся к «государственному», а что — не должно, имеет подвижные границы. Те или иные вопросы морали, здоровья, ценностей семейной жизни, образования, экологии, демографии, трудовых отношений, отношений между полами и т. д. могут объявляться входящими или не входящими в сферу государственных интересов в зависимости от интересов тех или иных сил (от логики той или иной гувернаментальности), имеющих возможность пользоваться ресурсами государственного регулирования как инструментами (у)правления человеческим поведением. Что есть «государственное» и что к нему относится — определяется и переопределяется динамикой отношений власти. В реальности происходит постоянное переочерчивание и переопределение пространства «государственного». Введение или не-введение тех или иных аспектов жизни и поведения индивидов в сферу контроля, опеки, попечения посредством государственных институтов есть сам по себе один из механизмов власти, элемент в тактической игре гувернаментальности:

И вполне вероятно, что если государство существует таким, каким оно существует сейчас, то это благодаря как раз этой гувернаментальности, которая является одновременно и внешней, и внутренней по отношению к государству, потому что именно тактики (у)правления дают возможность в каждый момент определять, что должно относиться к сфере государства, а что не должно, что является публичным, а что — частным, что является государственным, а что — негосударственным. Таким образом, если угодно, и государство в своей способности к выживанию, и государство в своих пределах должны пониматься, только отталкиваясь от общих тактик гувернаментальности³².

31. Фуко использует выражения «гувернаментализация государства», «гувернаментализированное государство», государство, которое «оказалось гувернаментализировано» и т. д. (Ibid. P. 112–113) для обозначения исторического процесса постепенного проникновения в сферу государственных институтов (или, если сказать иначе, превращения в государственные институты) практик (у)правления (педагогических, медицинских, духовных и т. д.) из разного рода предгосударственных сфер, в частности связанных с типами (у)правления, характерными для патриархальной семьи и сферы домашнего производства или, например, для пастырской гувернаментальности.

32. Ibid. P. 112–113.

V. Губернаментальность, формы знания и «забота о себе»: три оси единого проекта

С 1979 года Фуко начинает меньше интересоваться формами власти, связанными с современным государством. Его лекционные курсы и статьи последних лет и последние тома «Истории сексуальности», над которыми он работает в этот период, будут посвящены в основном «генеалогии современного субъекта». Вначале он сфокусируется на текстах Отцов Церкви первых веков христианства и на анализе форм пастырской власти, развившихся в монастырских формах жизни начиная с IV века н. э.³³ Затем, двигаясь в обратном порядке вглубь европейской истории, сосредоточится на изучении характерных для греко-римской античности типов (у)правления собой и «практик себя», которые Фуко обозначит греческой формулой «забота о себе».

В этих лекциях и текстах термин «губернаментальность» будет употребляться реже, чем в лекционных курсах 1977–1978 и 1978–1979 годов, но само понятие, отражающее специфику анализа отношений власти, будет по-прежнему играть важную роль. В чем-то его значение как концептуального инструмента даже возрастает. Оно позволяет Фуко не только осуществить концептуальный сдвиг по отношению к традиционному пониманию «власти», но также связать в единую проблематику три последовательно разрабатываемые им области исследований: историю форм знания, историю форм власти, понятой как (у)правление другими, и историю субъекта, или «форм субъективности», предполагающих определенные техники (у)правления собой. Когда в начале 1980-х годов Фуко формулирует новую большую программу исследований, тематика которой на первый взгляд кажется очень далекой от тематики лекционных курсов 1977–1978 и 1978–1979 годов, он делает это с помощью понятия губернаментальности. Так, в резюме лекционного курса 1980–1981 года «Субъективность и истина» мы читаем:

33. См. «Об (у)правлении живущими», лекционный курс Фуко 1979–1980 года в Коллеж де Франс (*Idem. Du gouvernement des vivants. Cours au Collège de France, 1979–1980* / F. Ewald, A. Fontana (dir.). P.: Gallimard; Seuil, 2012), и «Признания плоти», один из томов цикла «История сексуальности», который Фуко не успел полностью закончить при жизни; этот том был подготовлен к печати Фредериком Гро и опубликован в 2018 году как 4-й том цикла (*Idem. Les aveux de la chair*. P.: Gallimard, 2018).

Речь идет о том, чтобы начать, под общим названием «Субъективность и истина», исследование об институтированных способах познания себя и об их истории. <...> Серия исследований, которую можно наметить... позволила бы... создать историю «заботы о самом(ой) себе» (*souci de soi-même*), понятой как опыт и, следовательно, также как техника, формирующая и трансформирующая этот опыт. Такой проект находится на пересечении двух тем, рассматривавшихся ранее: история субъективности и анализ форм «гувернаментальности». <...> В том, что касается исследования «гувернаментальности», оно имело двойную цель: проделать необходимую критическую работу в отношении распространенных концепций «власти» (понимаемой более или менее смутным образом как единая система, организованная вокруг некоего центра, который является в то же время ее источником, и стремящаяся в силу своей внутренней динамики к постоянному расширению); проанализировать ее, наоборот, как область стратегических отношений между индивидами или группами — отношений, в которых речь идет о руководстве действиями другого или других (*la conduite de l'autre ou des autres*) и которые задействуют — в зависимости от конкретных случаев, в зависимости от институциональных рамок, в которых они развиваются, в зависимости от социальных групп, в зависимости от разных эпох — различные техники и процедуры. <...>

История «заботы о себе» и «техник себя», таким образом, была бы способом изучения истории субъективности... через установление и трансформации в нашей культуре «отношений с самим(ой) собой» (*rapports à soi-même*) с их технической арматурой и их эффектами знания. И, таким образом, можно было бы снова, в другом аспекте, рассмотреть вопрос о «гувернаментальности»: (у)правление самим(ой) собой (*le gouvernement de soi par soi*) в его сочлененности с отношениями с другим (как мы видим это в педагогике, в советах о том, как себя вести, в духовном руководстве, в предписании моделей жизни и т. д.)³⁴.

В своем последнем лекционном курсе «Смелость истины. (У)правление собой и другими II»³⁵, который Фуко прочтет незадолго до смерти, в весеннем семестре 1983–1984 учебного года, он вновь использует понятие «гувернаментальность» для описания общей логики своего исследовательского подхода. Курс будет

34. *Idem*. Subjectivité et vérité // Dits et écrits. Vol. IV. P. 213–214.

35. *Idem*. Le courage de la vérité: Le gouvernement de soi et des autres II. Cours au Collège de France (1983–1984) / F. Ewald, A. Fontana (dir.). P.: Gallimard; Seuil, 2009.

посвящен античной практике *parresia*, говорения истины, в том числе ее политическому значению в греческой демократии. В первой лекции курса Фуко формулирует два базовых методологических тезиса:

- 1) понятие гвернаментальности — инструмент, благодаря которому его текущие исследования 1984 года (исследования античной проблематики «заботы о себе» и, шире, форм субъективности в западной культуре) обнаруживают свое родство с его исследованиями 1977–1978 и 1978–1979 годов (исследования либерализма и власти в связи с проблемой нововременного государства); речь идет о двух составляющих единого исследовательского проекта;
- 2) понятие гвернаментальности дает возможность анализировать совместно и в их взаимосвязи три интересующие Фуко проблемные сферы (знание, власть, субъективность).

Отсюда, в частности, задача рассмотреть практику *parresia* через призму гвернаментальности:

С понятием *parresia*... у нас есть возможность поставить вопрос о субъекте и об истине с точки зрения практики того, что можно назвать (у)правлением самим(ой) собой и другими (*le gouvernement de soi-même et des autres*). И мы, таким образом, вновь приходим к теме (у)правления, которой я занимался несколько лет назад³⁶. Мне кажется, что, рассматривая понятие *parresia*, можно видеть, как завязываются воедино анализ форм высказывания истины (*modes de véridiction*), изучение техник гвернаментальности и выявление форм практики себя. Соотнесение между формами высказывания истины, техниками гвернаментальности и практиками себя — это, по сути, то, чем я всегда пытался заниматься. <...>

Именно путем осуществления этих трех теоретических сдвигов — от темы познания к теме высказывания истины, от темы господства (*domination*) к теме гвернаментальности, от темы индивида к теме практик себя — можно, мне кажется, изучать, не редуцируя их при этом друг к другу, отношения между истинной, властью и субъектом³⁷.

Таким образом, темы, развиваемые Фуко в этом его последнем курсе лекций, оказываются напрямую связанными с темами курса лекций «Безопасность, территория, население» 1977–1978 годов

36. *Idem*. Sécurité, territoire, population (примечание Фредерика Про, редактора французского издания лекционного курса Фуко).

37. *Idem*. Le courage de la vérité. P. 10.

внутри единого исследовательского проекта (на что справедливо указывает Фредерик Гро в своем редакторском комментарии к этому фрагменту).

VI. *Gouvernementalité* и английские *Governmentality Studies*: что следует помнить о гвернаментальности читателю русских переводов

Для существующих на данный момент русских переводов текстов о гвернаментальности характерна значительная концептуальная разногласица. Кроме текстов самого Фуко, с переводами которых, как я попытаюсь показать в разделе VII, ситуация оканчивается плачевной, в последние годы на русский язык были переведены некоторые работы англоязычных авторов, относящих себя к направлению *Governmentality Studies*. Здесь ситуация с качеством переводов выглядит значительно лучше, но зато мы нередко имеем дело со специфическими англоязычными интерпретациями Фуко и с адаптированными к ним решениями при выборе терминов в русском переводе. Чтобы как-то ориентироваться в этом общем массиве русских переводов текстов о гвернаментальности, читателю, незнакомому с французским оригиналом, следует помнить об описанных выше особенностях фукианской аналитической перспективы. Резюмируем основное.

1. Понятие «гвернаментальность» предполагает концептуальный сдвиг по отношению к распространенным в политической философии концепциям власти, понимающим «власть» через «государство» (власть как результат договора, власть как институционализированное насилие — с опорой на понятия суверенитета, легальности/легитимности власти и т. д.). Даже когда речь идет о нововременных формах гвернаментальности (нововременных гвернаментальностях), связанных с современным государством, их нельзя понимать как формы «государственного управления» (или «правительственного управления») — государство не является субъектом гвернаментальности. «Правительство» как субъект государственной воли, «правительственная ментальность», «государственное управление» и т. п. — использование в переводе таких понятий и фигур мысли для передачи *gouvernementalité* полностью уничтожает фукианскую аналитическую перспективу.

2. «Гвернаментальность» не обозначает только одну конкретную совокупность отношений власти, связанную с нововременным государством (как иногда полагают). Фуко использует этот термин как в единственном, так и во множественном числе. Ис-

тория гувернаментальности (гувернаментальностей) — это история разных ансамблей практик, техник, технологий, с помощью которых люди в ту или иную эпоху и в той или иной культуре (у)правляют друг другом и самими собой, и концептуализаций таких практик и технологий в дискурсе. Можно говорить о гувернаментальности, концептуализированной в *Polizeiwissenschaft* XVIII века; можно говорить о либеральной гувернаментальности, которую Фуко предлагает рассматривать одновременно как критику других типов гувернаментальности (других гувернаментальностей), в частности гувернаментальности *Polizeiwissenschaft*, и как собственно специфическую парадигму (у)правления³⁸; можно говорить о пастырской гувернаментальности — форме власти, порожденной христианством в рамках института Церкви, которую Фуко рассматривает среди прочего как генеалогический исток различных форм нововременной(ых) гувернаментальности(ей)³⁹; можно говорить о гувернаментальности, характерной для греческой культуры эпохи классического полиса, и т. д.

3. Понятие «гувернаментальность» отсылает к общей фукианской концепции власти, предлагающей понимать «власть» как отношения, в которых индивиды (или группы) воздействуют на поле возможных действий друг друга, одновременно управляя самими собой. Таким образом, оно предлагает понимать отношения власти в максимально широком смысле слова (выходящем далеко за пределы сферы «политического» или, если угодно, расширяющем сферу «политического» далеко за пределы того, что было принято считать таковой в нововременной традиции политической мысли). Анализ гувернаментальности(ей) представляет собой анализ способов руководства поведением внутри самого разного типа институтов и/или социальных связей (где руководство поведением может осуществляться как с помощью, так и без помощи инструментов государства): в отношениях между супругами и членами семьи в рамках института брака разного типа, между врачами и пациентами, между учителями и учениками, между психиатрами и душевнобольными и т. д. Речь может идти в том числе о культурах, где институт государства просто отсутствует.

38. См., напр., резюме лекционного курса «Рождение биополитики» (*Idem*. Naissance de la biopolitique. P. 325).

39. См., напр., комментарий Фредерика Гро к «Признаниям плоти» (*Idem*. Les aveux de la chair. P. 8–10).

4. Понятие «гувернаментальность» дает возможность рассматривать исследования Фуко разных лет как элементы единого политико-философского проекта. В частности, это понятие служит одним из концептуальных инструментов, с помощью которых он встраивает в единое проблемное поле свои работы второй половины 1970-х годов, посвященные анализу либерализма и новременных форм власти в связи с проблемой государства, и последующие исследования, посвященные генеалогии современного субъекта и истории «форм субъективности». Поэтому, обсуждая проблематику гувернаментальности, необходимо принимать во внимание не только курсы лекций Фуко в Коллеж де Франс 1977–1978 и 1978–1979 годов «Безопасность, территория, население» и «Рождение биополитики», но и его более поздние работы, в частности статьи и лекционные курсы периода после 1979 года и последние тома «Истории сексуальности» («Использование удовольствий» (1984), «Забота о себе» (1984) и «Признания плоти» (том остался неопубликованным при жизни Фуко и вышел только в 2018 году)).

Междисциплинарное исследовательское поле *Governmentality Studies* начинает активно развиваться в англоязычных социальных науках в 1990-е годы. На раннем этапе авторы, относившие себя к этому направлению, концентрировались почти исключительно на анализе тех или иных современных форм власти, связанных с проблематикой либерализма и неолиберализма, рыночного общества и современного государства. Основным источником методологического вдохновения для них становятся лекции Фуко 1977–1978 и 1978–1979 годов, которые получают внутри этого исследовательского направления официальный статус *lectures on governmentality*⁴⁰, и лишь в незначительной мере — остальной корпус работ Фуко. Ситуация осложнялась тем, что даже эти два лекционных курса долгое время оставались неопубликованными, имелись только транскрипции отдельных лекций; фактически многие исследователи опирались на единственную опубликованную и ставшую знаменитой лекцию от 1 февраля 1978 года. Оба курса Фуко будут впервые изданы целиком и с надлежащим научным аппаратом только в 2004 году на языке оригинала, а их переводы на английский появятся только в 2007 и 2008 годах со-

40. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А. Писарева; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Дело, 2016. С. 38. В переводе *lectures on governmentality* передано как «лекции о правительности».

ответственно. Весь этот период остаются неизданными также лекционные курсы Фуко, прочитанные в 1980-е годы, — их полноценные комментированные издания на французском и последующие переводы на английский появятся еще позже. Эта ситуация частично стала причиной того, что фукианская перспектива гвернаментальности в целом понимается многими авторами этого направления в узком смысле — как анализ исключительно нововременных форм власти и управления в связи с проблематикой современного государства.

Однако в 2000-е годы постепенно начинает складываться представление о недостаточности такого понимания гвернаментальности и о необходимости прочтения работ Фуко разных лет как связанных друг с другом частей единой аналитической перспективы. Колин Гордон, один из британских исследователей и последователей Фуко, работы которого во многом способствовали становлению поля *Governmentality Studies* в 1990-е годы, отмечает в связи с публикацией лекционных циклов Фуко 1977–1978 и 1978–1979 годов:

Надеюсь, полная публикация этих лекций вновь оживит данную область исследований. Я думаю, их издание также покажет, что понятие гвернаментальности⁴¹ можно успешно применять наравне с более ранними и более поздними идеями Фуко (власть/знание, дисциплина, управление собой, парресия). Тема гвернаментальности определенно должна рассматриваться в тесной связи с темами «позднего» или «завершающего» Фуко (мы говорим об интервале в пять-шесть лет): этика, забота о себе, парресия, или высказывание истины, условия существования критического дискурса⁴².

Правда, сам Гордон в этой беседе, опубликованной в 2007 году, связь темы гвернаментальности с темами «позднего» Фуко содержательно все еще не обсуждает, ссылаясь на то, что лекции Фуко последних лет в Коллеж де Франс по-прежнему остаются недоступными:

41. Андрей Корбут, переводчик цитируемой здесь беседы Колина Гордона с Жака Донзло, передает *gouvernementalité* (точнее, *governmentality*, поскольку русский перевод выполнен с английского перевода текста беседы) как «правительность». Следуя принятому в данной статье принципу единообразия перевода, я изменил в цитате «правительность» на «гвернаментальность».

42. Донзло Ж., Гордон К. Указ. соч. С. 10.

Чтобы понять все скрывающиеся здесь возможности, мы должны дождаться публикации заключительных лекций⁴³.

Сходную позицию займет в 2000-х годах и Митчелл Дин, еще один автор, чьи работы оказали существенное влияние на становление *Governmentality Studies* как отдельного исследовательского направления. Книга Дина *Governmentality: Power and Rule in Modern Society* (в русском переводе: «Правительность. Власть и правление в современных обществах»), впервые вышедшая в 1999 году, может считаться одним из лучших обзоров состояния этого исследовательского поля на раннем этапе его развития и одновременно оригинальным авторским исследованием ряда форм власти в современных либеральных и авторитарных режимах управления. К моменту выхода второго издания книги в 2010 году оба курса лекций Фуко о гвернаментальности были уже несколько лет доступны на английском, и Дин, ссылаясь на них, отмечает, что проблематика *governmentality* должна рассматриваться совместно с этической проблематикой «практик себя» и «морального субъекта», которой Фуко занимался в последние годы жизни⁴⁴.

Однако преодолеть концептуальную инерцию раннего периода становления поля *Governmentality Studies* оказывается не так просто. В частности, в отношении своей книги сам Дин подчеркивает, что во втором издании 2010 года он сохраняет «концептуальную и теоретическую рамку, базовые аргументы и содержание» первого издания 1999 года⁴⁵ — периода, когда в обращении находилась лишь одна, канонизированная в качестве главного текста о гвернаментальности лекция Фуко от 1 февраля 1978 года⁴⁶. В редакции 2010 года Дин лишь дополняет текст некоторыми новыми цитатами из опубликованных лекционных курсов Фуко 1977–1978 и 1978–1979 годов⁴⁷. Понимание фукианской исследовательской перспективы в новом издании книги корректурке не подвергается.

Книга Дина заслуживает отдельного упоминания еще и потому, что она доступна на русском языке в хорошем, адекватном ори-

43. Там же. Сегодня все курсы лекций Фуко последних лет жизни опубликованы и такого рода препятствий более не существует.

44. Дин М. Указ. соч. С. 77.

45. Там же. С. 39.

46. Дин посвящает ей отдельное библиографическое примечание и характеризует ее как главный текст о гвернаментальности (Там же. С. 37).

47. Там же. С. 37–40.

гиналу переводе и снабжена научным аппаратом⁴⁸. Отметим, что при всех ее достоинствах в отдельных аспектах она все же устарела. Само понятие *governmentality* Дин, со ссылкой на авторов раннего периода *Governmentality Studies*, определяет с помощью термина «ментальности управления» и предлагает понимать в двух смыслах: широко — как «ментальности управления» вообще; в узком — как конкретные типы «ментальностей управления», сформировавшиеся в европейских обществах с XVI века в связи с появлением нововременного государства и экономического мышления⁴⁹. Он сохраняет это определение и во втором издании книги. Такая интерпретация существенно сужает фукианскую исследовательскую перспективу, являясь, как признает сам Дин, в значительной степени свидетельством о раннем этапе становления поля *Governmentality Studies*⁵⁰. У Фуко понятие *gouvernementalité* — после того как термин устанавливается и получает устойчивое значение в его текстах — охватывает, как мы видели, любые типы отношений власти, характерные для самых разных обществ и культур. И конечно, в том, что касается «ментальности», можно предположить, что Фуко вряд ли согласился бы с его использованием в данном случае, поскольку оно отсылает к другой аналитической и дискурсивной традиции: у Фуко же речь идет об исследовании практик (у)правления. Тем не менее, с поправкой на сдвиг в сторону «ментальности» и на упомянутое сужение фукианской исследовательской перспективы, книга Дина сохраняет свою ценность и полезность для русскоязычного читателя⁵¹.

48. В книге среди прочего есть квалифицированное предисловие Александра Бикбова и его же интервью с автором, взятое для русского издания.

49. Там же. С. 84–96, 536.

50. Имея возможность во втором издании книги опереться на теперь уже опубликованные полные курсы лекций Фуко о гвернаментальности, Дин совершенно справедливо отмечает, что в работах Фуко нет термина «ментальности управления» и что сам неологизм *governmentality* (как аналог французского *gouvernementalité*) — тут Дин также совершенно справедливо ссылается на упоминавшийся нами выше комментарий Сенеляра, подготовившего к изданию оба лекционных курса Фуко (1977–1978 и 1978–1979 годов), — не является составной конструкцией из двух слов *government* (управление) и *mentality* (ментальность), это ложная морфология (Там же. С. 87). Тем не менее Дин считает возможным сохранить принятый в первом издании книги 1999 года термин «ментальности управления» для определения понятия *governmentality*, обосновывая это тем, что рассматривает этот термин «как один из моментов развития» исследовательского поля гвернаментальности (Там же).

51. Для передачи *governmentality* в русском переводе книги Дина использует неологизм «правительность». С моей точки зрения, этот вариант го-

VII. Что стало с гвернаментальностью в русских переводах Фуко

Читатель, знакомящийся с исследовательской перспективой Фуко по русским переводам, оказывается в сложной ситуации. Тексты разных лет, в которых используется понятие *gouvernementalité*, переводились на русский язык в разные годы разными переводчиками и на основе разных переводческих принципов. В итоге к проблеме возможных содержательных неточностей перевода и концептуальных недоразумений добавляется проблема терминологической разногласности. Я кратко остановлюсь только на основных текстах.

Лекция Фуко от 1 февраля 1978 года, в которой вводится понятие *gouvernementalité*, на русском языке была впервые опубликована в виде отдельного текста под названием «Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис)» в журнале «Логос» в 2003 году⁵². Этот же перевод с небольшими изменениями и под другим названием — «Искусство государственного управления» — будет через два года включен в трехтомник статей и выступлений Фуко «Интеллектуалы и власть»⁵³. В 2011 году та же лекция Фуко будет опубликована еще раз, но уже в другом пере-

раздо лучше, чем принятый в некоторых переводах Фуко термин «правительственность» (см. раздел VII), но он все же не совсем адекватен фукианскому *gouvernementalité*, и его использование для переводов текстов самого Фуко в ряде контекстов может вести к искажению смысла. В то же время для передачи *governmentality* Дина (представляющей собой специфическую интерпретацию *gouvernementalité* Фуко) «правительность» может, с определенными оговорками, считаться удовлетворительным вариантом. Чтобы как-то согласовать логику русских переводов, можно было бы принять, что «правительность» есть определенный частный случай гвернаментальности, характерный для нововременных форм власти, в которых задействованы инструменты современного государства и экономического мышления. Другими словами, можно принять, что «правительностью» здесь названа одна конкретная гвернаментальность (конкретная парадигма (у)правления) из многих имевших место в истории и существующих сегодня — именно эта конкретная гвернаментальность оказалась в центре внимания англоязычных *Governmentality Studies* на начальном этапе становления этого исследовательского поля.

52. Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис)/Пер. с фр. И. Окуновой; под общ. ред. Б. М. Скуратова// Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 4–22.
53. Он же. Искусство государственного управления// Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 2/Пер. с фр. И. Окуновой; под общ. ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 183–211.

воде: на этот раз будет издан на русском весь лекционный курс Фуко 1977–1978 учебного года «Безопасность, территория, население», включая лекцию от 1 февраля 1978 года⁵⁴. Годом раньше, в 2010 году выходит перевод лекционного курса Фуко 1978–1979 года «Рождение биополитики»⁵⁵. Кроме того, в последние годы публикуется целый ряд переводов текстов самого Фуко, текстов о Фуко и текстов, использующих его методологию, в которых понятие *gouvernementalité* также играет важную роль.

Рассмотрим первый перевод лекции о гвернаментальности. Две его версии практически идентичны, за исключением передачи самого термина *gouvernementalité*. В версии 2003 года *gouvernementalité* передается одинаково — как «правительственность», в версии 2005 года — в основном как «искусство государственного управления», но также и как «государственное управление», и как «управление государством» (в этой версии переводчики, кроме всего прочего, забывают о необходимости передавать ключевое понятие текста единообразно во всех контекстах или, если это по какой-то причине оказывается невозможным, как минимум указывать на это в комментарии).

Понятие *gouvernement* в обеих версиях передается одинаково — в основном как «правительство»; в некоторых контекстах, где такой перевод оказывается явным нонсенсом, — как «управление» и иногда как «правление» (здесь переводчики также не предупреждают читателя, что речь идет об одном и том же слове).

В результате перевод предлагает читателю интерпретацию фукианской аналитики власти, от которой сам Фуко слушателей лекций эксплицитно предостерегает. Все встречающиеся в тексте указания Фуко на то, как надо понимать логику понятия *gouvernement*, в переводе игнорируются — начиная с пояснения, что речь идет не о современном словоупотреблении, но о спектре значений, которые слово *gouvernement* имело в XVI веке, то есть об «(у)правлении» в очень широком смысле слова (руководство детьми, руководство членами семьи и домочадцами, руководство больными, руководство душами в практике пастырской власти и т. д.). В следующей, пятой лекции курса Фуко посвящает этой теме отдельный большой фрагмент, где речь идет о многочисленных практиках руководства поведением, к которым от-

54. Он же. Безопасность, территория, население. С. 133–171.

55. Он же. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010.

сылало это слово во французском языке XIII–XV веков, а также о специфике пастырского *gouvernement* (о практиках руководства людьми и их душами, развившихся в христианстве на основе идеи о необходимости направлять людей на пути к спасению). Практики пастырского (у)правления Фуко рассматривает здесь как генеалогический исток более поздних нововременных практик (у)правления населением и их концептуализаций в политической экономии и в других нововременных формах знания. Эта проблематика будет развита в лекционном курсе следующего года «Рождение биополитики», посвященном либерализму. Как упоминалось выше, в обоих курсах Фуко имеет в виду под *gouvernement* не государственный орган или институт («правительство»), но специфическую практику (или практики) руководства поведением⁵⁶.

В итоге в русском переводе лекции полностью исчезает полемика Фуко с нововременной традицией политической философии и с традиционными подходами в современной политической мысли, предлагающими понимать «власть» через «государство». *Gouvernementalité* передается здесь как «правительственность», *gouvernement* — как «правительство» (или иногда как «управление», но в смысле «правительственное управление» — само это словосочетание тоже попадает в перевод), техники (у)правления (*techniques du gouvernement*) оказываются «правительственными техниками»⁵⁷, «тактики (у)правления» (*tactiques de gouvernement*) и «общие тактики гувернаментальности» (*les tactiques générales de la gouvernementalité*) становятся, соответственно, «правительственными тактиками»⁵⁸ и «общими тактиками правительственности»⁵⁹ — этот ряд можно продолжить. В итоге от концептуальных сдвигов, на которые опирается исследовательская перспектива Фуко, и его попытки дистанцироваться от распространенных подходов в современной политической мысли ничего не остается.

Содержательно такой перевод представляет собой классический *contresens* — интерпретацию, по смыслу противоположную оригиналу. Он приписывает Фуко именно то традиционное представление о власти и государстве (государство как субъект и ме-

56. См. сноску 14.

57. Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис). С. 18–19.

58. Там же. С. 21.

59. Там же.

сто локализации власти), от которого Фуко как раз призывает отказаться.

Добавим к этому, что рассматриваемый перевод периодически ставит читателя в тупик языковыми и смысловыми странностями. Приведу только один пример с уже упоминавшимися выражениями. В конце лекции Фуко, формулируя общие выводы, использует выражение «гувернаментализация государства» (*la gouvernementalisation de l'État*). Здесь же он говорит о государстве, которое в результате долгого исторического процесса «мало-помалу оказалось „гувернаментализировано“» (*s'est trouvé petit à petit "gouvernementalisé"*)⁶⁰, имея в виду инвестирование в сферу государства практик «(у)правления» из разных вне- или предгосударственных форм жизни, в частности выросших из практики пастырской власти.

Поскольку переводчики передают *gouvernementalité* как «правительственность», в переводе неологизмы Фуко дают:

... наконец, под «правительственностью», я полагаю, следует также понимать процесс или, вернее, следствие процесса, посредством которого средневековое государство правосудия, ставшее в XV–XVI веках административным государством, постепенно оказалось «оправительственно».

... возможно, что для современности, иными словами, для нашей действительности, единственно значима не этатизация общества, но то, что я назвал бы «оправительствованием» государства.

... подобное оправительствование государства позволило государству выжить...

... епископат⁶¹, новая военно-дипломатическая техника и, наконец, полиция, я полагаю, были тремя важнейшими элементами, на основе которых произошло оправительствование государства, фундаментальное явление в истории Запада⁶².

Здесь же Фуко называет это «гувернаментализированное» государство», наследующее государству юстиции и административному государству, «государством (у)правления» (*État de*

60. «Наконец, под „гувернаментальностью“, я полагаю, следовало бы понимать процесс или, скорее, результат процесса, посредством которого средневековое государство юстиции, ставшее в XV–XVI веках административным государством, постепенно оказалось „гувернаментализировано“» (*Foucault M. Sécurité, territoire, population*. P. 112).

61. В оригинале — *La pastorale*. Фуко имеет в виду «пасторство», пастырскую власть.

62. Там же. С. 20–22.

gouvernement). В переводе это, естественно, превращается в «государство правительства»⁶³.

Читателю, незнакому с оригиналом, связно интерпретировать перевод оказывается как минимум затруднительно. Наиболее вероятное, что он может предположить, — это что, согласно Фуко, в какой-то момент истории в государстве постепенно возникло правительство (произошло «оправительство государства»), и оно начало «правительствовать», то есть управлять государством, — и именно это Фуко считает фундаментальным явлением в истории Запада, которое помогло государству выжить.

Новая версия перевода 2005 года отличается от версии 2003 года главным образом тем, что вместо «правительственности» для передачи *gouvernementalité* используется словосочетание «искусство государственного управления» (а также «государственное управление» и «управление государством»), а для *État de gouvernement* вместо «государства правительства» возникает «управленческое государство». При этом «гувернаментализация государства» (*la gouvernamentalisation de l'État*) теперь передается как «превращение государства в управленческое государство» или «возникновение управленческого государства». В том, что касается передачи фукианского *gouvernement*, в этой редакции перевода по сравнению с предыдущей ничего не изменилось.

В итоге в версии 2005 года эффект интерпретации, радикально искажающей смысл оригинала, даже усилился. Субъектом и объектом власти как управления еще более явным образом оказывается государство, а инстанцией, осуществляющей управление, — правительство. Фукианская история нововременных форм *gouvernementalité* в переводе превратилась просто в экзотическую версию истории *Public Administration*.

* * *

Скажем несколько слов о переводе этой лекции Фуко, который вышел в 2011 году в рамках издания всего курса «Безопасность, территория, население». Здесь была выбрана другая стратегия перевода, благодаря которой при передаче основных фукианских понятий удастся избежать прямой ассоциации с «правительством». В этом переводе *gouvernementalité* последовательно передается с помощью неологизма «управленчество», а *gouvernement* — в основном как «управление» (также достаточно устойчивым образом).

63. Там же. С. 21.

Этот выбор, конечно, гораздо лучше сделанного в первом переводе лекции о гвернаментальности, и до некоторой степени он даже позволяет передать в переводе игру употреблений терминов в оригинальном тексте Фуко. В итоге «управленчество» в качестве перевода для *gouvernementalité* стали использовать и другие переводчики⁶⁴.

Однако у такого перевода, на мой взгляд, есть очень существенные ограничения. Выше я сформулировал четыре пункта, которым, как я полагаю, должен удовлетворять перевод фукианского *gouvernementalité* (см. раздел VI). С моей точки зрения, «управленчество» отвечает только первому пункту, который относится к анализу нововременных/современных форм власти, причем лишь частично. В том, что касается этого пункта, «управленчество», действительно, позволяет избежать слишком прямой ассоциации с «правительством», но в то же время этот неологизм на русском не освобождает от необходимости мыслить «власть» через «государство». В современном русском языке он встраивается в один смысловой ряд с такими словами и словосочетаниями, как «управленцы», «управленческие кадры», «управленческий класс», «управленческий резерв» и т. д., которые отсылают все к тому же старому представлению о власти, которая локализована в «государстве», понимаемом как единая гомогенная система «государственного управления» или, как говорили в советское время, «управления народным хозяйством».

При этом термин «управленчество» не отвечает трем остальным требованиям. Он плохо приспособлен для того, чтобы говорить о множественных гвернаментальностях (или множественности типов гвернаментальности) — пастырской, полицейской (в смысле *Polizeiwissenschaft*), либеральной и т. д. Он плохо приспособлен для того, чтобы служить обозначением для общей концепции власти Фуко и инструментом для анализа множественных форм отношений власти внутри разных социальных сфер и институтов — между врачами и пациентами, педагогами и учениками, родителями и детьми и т. д.⁶⁵ Наконец, он плохо подходит для

64. См., напр.: Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Пер. с итал. Д. С. Фарафоновой, Е. В. Смагиной; под науч. ред. Д. Е. Раскова и др. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018.

65. Некоторые темы из сферы исследовательских интересов Фуко звучали бы по-русски странно. Представим себе, например, диссертацию на тему: «Об особенностях супружеского управленчества в рамках института брака и домашней экономики в Греции эпохи классического полиса».

того, чтобы служить инструментом, объединяющим исследования Фуко разных лет — исследования современного либерализма и античной «заботы о себе», психиатрической власти и истории сексуальности — и позволяющим понимать их как элементы единого политико-философского проекта.

Следует также отметить, что над русским изданием лекционного курса «Безопасность, территория, население» работали три разных переводчика, каждый из которых переводил свою часть книги. В результате перевод в целом получился неоднородным и в разной степени надежным в разных частях книги. Перевод лекции от 1 февраля 1978 года оказывается очень ненадежным и неточным как в отношении языка, так и в отношении логики концептов. Ограничусь только несколькими характерными примерами перевода основных понятий.

Значительную часть лекции Фуко посвящает сравнительному анализу «(у)правления» и «суверенитета» как понятий, отражающих два противостоящих друг другу в XVI–XVII веках стиля мышления о власти правителя (первый подразумевает руководство поведением, второй — юридическую модель власти суверена). Переводчик, игнорируя тот факт, что у Фуко речь идет о политико-юридическом термине, отсылающем к одной из классических традиций в политической философии, периодически заменяет «суверенитет» на «верховную власть» или на «осуществление верховной власти» — очевидно, чтобы придать тексту Фуко немного разнообразия. В результате важнейшее для Фуко сопоставление двух концептов и стоящих за ними традиций понимания власти во всех соответствующих фрагментах полностью теряется.

Фуко: «И в этом тоже, я полагаю, (у)правление очень четко противостоит суверенитету»⁶⁶.

В переводе: «И этим, на мой взгляд, оно [управление] тоже радикально отличается от осуществления верховной власти»⁶⁷.

Поскольку переводчик таким способом передает оппозицию (у)правление/суверенитет многократно, но иногда оставляет в переводе также и «суверенитет», понятие «суверенитет» в тексте перестает быть понятием и получает просто бытовое значение власти правящего лица.

66. *Idem*. Sécurité, territoire, population. Р. 101. Здесь и ниже я опускаю французский текст там, где в нем нет необходимости.

67. Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 147.

Приведу другой пример. Там, где Фуко обсуждает появление в XVIII веке «населения» (и как понятия, и как соответствующей реальности) и показывает, что его с помощью определенных техник начинают использовать как инструмент (у)правления, «направляя в тот или иной регион, к той или иной деятельности потоки населения»⁶⁸, в переводе вдруг возникают концепты из другого века — «отрасль производства» и «рабочая сила», — и Фуко в русском переводе утверждает, что согласно логике мышления и языку XVIII века техники управления позволяют «обеспечивать определенный регион или отрасль производства дополнительной рабочей силой»⁶⁹.

Выше я уже обсуждал фрагмент лекции, где Фуко говорит о государстве как о «мифологизированной абстракции». Государство не есть нечто цельное, и, более того, сфера «государственного» не имеет фиксированных, четко очерченных границ, поскольку гугернаментальность в своих тактических целях постоянно переопределяет границы «государственного»⁷⁰. Для краткости упомяну только вывод:

Таким образом, если угодно, и государство в своей способности к выживанию, и государство в своих пределах должны понимать себя, только отталкиваясь от общих тактик гугернаментальности.

В переводе этот вывод Фуко звучит так:

Следовательно, коль скоро мы хотим понять, почему государство выжило и почему оно сегодня заявляет о себе так, а не иначе, нам нужно исходить из основных тактик управленчества⁷¹.

Вместо «государства в его пределах» в переводе загадочным образом возникает государство, которое «заявляет о себе». Основной тезис Фуко о том, что государство не есть субъект гугернаментальности и некое целое с фиксированными пределами (институциональными границами), но скорее подвижный конгломерат инструментов, используемых в тактиках гугернаментальности, здесь совершенно размывается.

Наконец, специфические фукианские фигуры мысли — государство, которое оказалось «гугернаментализовано» (*gouvernemental-*

68. Ibid. P. 109.

69. Там же. С. 158.

70. См. сноску 32.

71. Там же. С. 163.

isé), или, например, «гувернаментализация государства» (*gouvernementalisation de l'État*)⁷² — в переводе передаются, соответственно, как государство, оказавшееся «оправительственным»⁷³, и как «оправительство государственности»⁷⁴, что подталкивает читателя к интерпретации, находящейся где-то посередине между бессмыслицей и *contresens*.

* * *

Скажем несколько слов о лекционном курсе 1978–1979 годов «Рождение биополитики». Его переводчик впоследствии переведет еще несколько курсов Фуко в Коллеж де Франс, в том числе упоминавшийся выше последний лекционный курс Фуко «Смелость истины. (У)правление собой и другими II», прочитанный в 1984 году⁷⁵). В данном случае переводчик выступает также в качестве автора комментариев — ему принадлежат пространные статьи, включенные в качестве послесловий в соответствующие русские издания лекционных курсов Фуко.

Эти переводы, к сожалению, не менее приблизительны и ненадежны, чем рассмотренные выше, как в отношении языка, так и в отношении работы с концептами. Я остановлюсь только на проблемах, связанных с понятием гувернаментальности.

Логика перевода курса «Рождение биополитики» полностью совпадает с логикой рассмотренного выше первого перевода лекции Фуко о гувернаментальности в версии 2005 года. Автор перевода «Рождения биополитики» опирается на принятую там терминологию и стиль мышления, причем и в своем переводе, и в своем послесловии переводчика. В послесловии переводчика он среди прочего обсуждает и лекционный курс 1977–1978 года «Безопасность, территория, население», иллюстрируя свои тезисы соответствующими цитатами из перевода 2005 года и воспроизводя или даже усиливая все *contresens* этого перевода:

Центральным понятием Фуко в этих лекциях стало «управление». <...> Он... основное внимание, как всегда, уделит классической эпохе, когда появился дискурс, позволяющий анализировать «искусство государственного управления». <...>

72. Ibid. P. 112.

73. Там же. С. 162.

74. Там же. С. 163.

75. Foucault M. Le courage de la vérité (рус. пер.: Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2014). См. раздел V, сноски 35–37.

В эпоху меркантилизма привилегированным объектом *правительственного интереса* стало сочетание «население — богатство». <...> Если в начале 1970-х годов Фуко утверждал, что на смену обществу подавления пришло дисциплинарное общество, то теперь он считает, что существует треугольник «суверенитет — дисциплинарные практики — *правительственное управление*» (Фуко М. Искусство государственного управления // Интеллектуалы и власть. Ч. 2. С. 206). Впрочем, это не мешает Фуко утверждать, что «мы живем в эпоху *государственного управления*, открытого в XVIII веке (Там же. С. 208)⁷⁶.

Ситуация осложняется еще и тем, что переводчик «Рождения биополитики», в отличие от авторов перевода лекции о гуйвернаментальности (которые, по-видимому, знали, что переводят лекцию именно о гуйвернаментальности), вообще не воспринимает *gouvernementalité* как понятие. В итоге для его передачи он, кроме упомянутых выражений, произвольным образом использует также «управление», «правление», «руководство» и т. д., никак не анализируя об этом читателю.

Фукианское *gouvernement* переводчик при этом передает то как «управление», то как «правление», то как «правительство», но в такой логике, где главным значением является «правительство». Правительство оказывается здесь логически необходимым для всей мыслительной конструкции субъектом управления — полностью в соответствии с тем традиционным стилем мышления, от которого Фуко как раз и предлагает читателю дистанцироваться с помощью аналитической перспективы гуйвернаментальности. Именно правительство (и в его лице — государство) управляет, правит или руководит. Например:

Скорее, вопрос [который ставит либерализм] таков: почему нужно *управлять*? То есть что делает необходимым существование *правительства*, и какие цели оно должно преследовать по отношению к обществу⁷⁷.

76. Он же. Рождение биополитики. С. 423. Курсив мой. — В. К. Выражениями «искусство государственного управления», «правительственное управление» и «государственное управление» здесь передано фукианское *gouvernementalité*. В итоге у читателя неизбежно складывается представление, что под «управлением» Фуко имеет в виду «государственное управление», которое есть также «правительственное управление» (здесь это практически синонимы).

77. Там же. С. 407. Курсив мой. — В. К. В оригинале: «*la question... plutôt celle-ci: pourquoi faut-il gouverner? C'est-à-dire: qu'est-ce qui rend nécessaire qu'il y ait*

...Либеральная критика практически неотделима от новой для той эпохи проблематики «общества»: именно в силу этого стремятся выяснить, почему необходимо, чтобы было правительство...⁷⁸

Самым поразительным здесь оказывается сила обыденного мышления, заставляющая переводчика игнорировать все пояснения Фуко в отношении смысла используемых в тексте концептов. Прямо в абзаце, предшествующем тому, из которого взяты эти цитаты, Фуко специально уточняет, в каком смысле употребляется здесь термин *gouvernement* — совершенно однозначным, не допускающим сомнений образом: «...речь здесь идет, конечно, не об институте „правительство“, но о деятельности, заключающейся в регулировании поведения людей»⁷⁹.

Но переводчик, несмотря на прямое указание автора (которое сам же и переводит), оказывается не в состоянии преодолеть в себе мыслительную привычку, согласно которой (у)правлению обязательно нужен субъект в лице «правительства».

Как следствие, там, где Фуко говорит о «практике (у)правления» (*pratique gouvernementale*), в переводе появляется «правительственная практика»⁸⁰, там, где речь идет о «технологии (у)правления» (*une technologie gouvernementale*), в переводе возникает «правительственная технология»⁸¹, и т. д.

В итоге фукианская игра употреблений *gouvernementalité* и *gouvernement* в переводе полностью утрачивается, *gouvernementalité* оказывается просто частичным контекстуальным заменителем *gouvernement*, и весь набор русских слов и словосочетаний, которыми оба термина передаются, отсылает к правительству как субъекту управленческой (или правящей) деятельности. При этом опознать термин *gouvernementalité* в тексте перевода оказывается невозможно в принципе.

Таким образом, в случае с «Рождением биополитики» и сам перевод, и комментарий переводчика возвращают нас к традицион-

un gouvernement et quelles fins doit-il poursuivre, à l'égard de la société...»
(*Idem*. Naissance de la biopolitique. P. 325).

78. Там же. Курсив мой. — В. К. В оригинале: «...la critique libérale ne se sépare guère d'une problématique, nouvelle à l'époque, de la "société": c'est au nom de celle-ci qu'on va chercher à savoir pourquoi il est nécessaire qu'il y ait un gouvernement...» (*Ibid*. P. 324).

79. «...Il s'agit là, bien sûr, non pas de l'institution "gouvernement", mais de l'activité qui consiste à régir la conduite des hommes» (*Ibidem*). См. также сноску 14.

80. Там же. С. 405.

81. Там же. С. 406.

ному пониманию «власти» через «государство» и отождествляют фукианскую перспективу гвернаментальности с тем мифологизированным представлением о власти, от которого она как раз и предлагает отказаться. Читатель русского перевода Фуко вновь сталкивается с интерпретацией, по смыслу противоположенной оригиналу.

В лекционном курсе Фуко 1983–1984 года «Смелость истины. (У)правление собой и другими II» переводчик вновь не опознает *gouvernementalité* как общее понятие словаря Фуко и делает его неузнаваемым для читателя, передавая просто как «управление». Более того, в русском переводе книги оба понятия — и *gouvernementalité*, и *gouvernement* — исчезают из имеющегося в книге указателя основных понятий. И это при том, что в оригинальном французском издании в указателе присутствуют оба!⁸²

Между тем, хотя Фуко использует понятие *gouvernementalité* только в первой лекции курса и только несколько раз внутри одного большого смыслового блока, оно играет здесь очень важную роль. Выше я приводил фрагмент из этой лекции, в котором Фуко через понятие *gouvernementalité* формулирует два важных и связанных друг с другом методологических тезиса⁸³: 1) перспектива гвернаментальности позволяет увидеть взаимозависимость трех основных интересующих Фуко проблемных областей (знание, отношения власти, субъект) и анализировать их совместно; 2) перспектива гвернаментальности позволяет понять внутреннюю взаимосвязь текущих исследований Фуко (исследования, посвященные истории «заботы о себе» и в целом — форм субъективности) и его лекционных курсов 1977–1978 и 1978–1979 годов, в которых понятие *gouvernementalité* вводится и апробируется (исследования, посвященные либерализму и формам гвернаментальности в связи с проблемой нововременного государства).

В обсуждаемом русском переводе этот фрагмент передан неточно, и оба тезиса размываются. Оpoznать их без предварительного знакомства с оригиналом оказывается невозможно. Размывается и прямая отсылка к лекционному курсу 1977–1978 года

82. *Idem*. Le courage de la vérité. P. 338. Ориентируясь на то, что само слово «управление» в переводе фигурирует, можно было бы ожидать, что в указателе к русскому изданию курса найдется хотя бы оно. Но нет, в указателе русского издания нет вообще никакого аналога ни одному, ни другому термину.

83. См. сноску 37.

«Безопасность, территория, население»», которую Фуко дает здесь, подчеркивая взаимосвязь развиваемых здесь тем с проблематикой курса 1977–1978 года⁸⁴.

Опасность такого типа перевода среди прочего в том, что у читателя может сложиться ложное впечатление о характере всего исследовательского проекта Фуко. Читатель лекционных курсов Фуко разных лет в русских переводах не имеет никакой возможности обнаружить концептуальную связь между работами Фуко 1970-х годов, посвященных либерализму, государству и нововременным формам власти, и его работами последних лет. Согласно переводам, там Фуко занимался историей государственного управления в Новое и Новейшее время, здесь он занимается античной «заботой о себе». На русском языке Фуко в итоге предстает в образе оригинального мыслителя-одиночки, хаотично лавирующего в своем творчестве между бесконечно далекими друг от друга темами и постоянно изобретающего *ad hoc* понятия и исследовательские приемы, подходящие для решения все новых и новых, никак не связанных между собой ситуативных задач. Именно так понимает творчество Фуко сам переводчик обсуждаемых текстов, и именно такую интерпретацию философского проекта Фуко он предлагает читателю в своем послесловии к «Смелости истины» — закрепляя эффект перевода:

Есть такие теории (мы употребляем это слово в нестрогом значении), которые своей стройностью и убедительностью обязаны энциклопедической эрудированности своих авторов и оригинальности их взгляда. В этих случаях мы имеем дело, собственно, и не с «теориями», а с уникальными типами видения мира и его истории. Эта уникальность возносит мыслителя на недосягаемую высоту и здесь, на этой высоте, оставляет его в полном одиночестве, поскольку у него не может быть ни соратников, ни учеников. Именно это, на наш взгляд, и произошло с Фуко. Знакомство с его текстами может раз и навсегда изменить взгляд читателя, но не позволяет ему воспользоваться «методологией» Фуко, потому что никакой методологии, собственно, и нет. Есть совокупность исследовательских методов и приемов, которые непрестанно меняются в зависимости от целей и объектов фукольдианского исследования...⁸⁵

Тот факт, что сам Фуко обнаруживает в своих исследованиях сквозную внутреннюю логику, что он во множестве текстов на-

84. См. сноску 36.

85. Он же. Мужество истины. С. 347–348.

стаивает на необходимости понимать их как этапы последовательного развития, долгого и сложного, но тем не менее вырастающего из цельного философского проекта, связанного со спецификой исторической эпохи, в которую мы живем, и имеющего важные, с его точки зрения, моральные и политические цели, — все это для читателя русских переводов Фуко оказывается совершенно необъяснимым.

VIII. Вместо вывода

Подводя итог, отметим, что разработанные Фуко несколько десятилетий назад концептуальные инструменты сегодня не устарели. Мир за эти десятилетия изменился, но так, что в чем-то их актуальность даже возросла. Исследовательская перспектива Фуко могла бы помочь нам лучше понять, что именно происходит сегодня с нами и с нашими обществами, в том числе с современным российским обществом. Но в том, что касается *gouvernementalité*, разноголосица, приблизительность и ненадежность русских переводов основных текстов Фуко, использующих это понятие, делает как минимум затруднительным их адекватное понимание и их использование как в профессионально-академических, так и в практических целях. И главной проблемой здесь оказывается свойственная современному мышлению на русском языке культурная привычка, принуждающая мыслить «власть» через «государство».

Библиография

- Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018.
- Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Дело, 2016.
- Донзло Ж., Гордон К. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире // Логос. 2008. № 2 (65). С. 3–20.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Фуко М. Искусство государственного управления // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 2. М.: Праксис, 2005. С. 183–211.
- Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.
- Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 4–22.

- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Фуко М. Субъект и власть // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3. М.: Практика, 2006. С. 161–190.
- Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault, un parcours philosophique. Au-delà de l'objectivité et de la subjectivité. P.: Gallimard, 1984.
- Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Foucault M. Dits et écrits / D. Defert, F. Ewald (dir.). P.: Gallimard, 1994. T. IV: 1980–1988.
- Foucault M. Du gouvernement des vivants. Cours au Collège de France, 1979–1980 / F. Ewald, A. Fontana (dir.). P.: Gallimard; Seuil, 2012.
- Foucault M. Governmentality // The Foucault Effect. Studies in Governmentality / G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 87–104.
- Foucault M. Le courage de la vérité: Le gouvernement de soi et des autres II. Cours au Collège de France (1983–1984) / F. Ewald, A. Fontana (dir.). P.: Gallimard; Seuil, 2009.
- Foucault M. Le sujet et le pouvoir // Dits et écrits / D. Defert, F. Ewald (dir.). P.: Gallimard, 1994. T. IV: 1980–1988. P. 222–243.
- Foucault M. Les aveux de la chair. P.: Gallimard, 2018.
- Foucault M. Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979 / F. Ewald, A. Fontana (dir.). P.: Gallimard; Seuil, 2004.
- Foucault M. Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1977–1978 / F. Ewald, A. Fontana (dir.). P.: Gallimard; Seuil, 2004.
- Foucault M. Subjectivité et vérité // Dits et écrits / D. Defert, F. Ewald (dir.). P.: Gallimard, 1994. T. IV: 1980–1988. P. 213–214.
- Gouvernementalität der Gegenwart. Studien zur Ökonomisierung des Sozialen / U. Bröckling, S. Krasmann, T. Lemke (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 2000.
- Karsenti B. D'une philosophie à l'autre. Les sciences sociales et la politique des modernes. P.: Gallimard, 2013.
- Laborier P. La gouvernementalité // Michel Foucault. Un héritage critique / J.-F. Bert, J. Lamy (dir.). P.: CNRS, 2014. P. 169–181.
- The Foucault Effect. Studies in Governmentality / G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1991.

STOP UNDERSTANDING “POWER” THROUGH THE “STATE”:
GOUVERNEMENTALITÉ, GOVERNMENTALITY STUDIES, AND THE
FATE OF MICHEL FOUCAULT’S ANALYTICS OF POWER IN RUSSIAN
TRANSLATIONS

VIKTOR KAPLOUN. Associate Professor, Department of Sociology, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, vkaploun@hse.ru.

National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg (HSE St. Petersburg), 17 Promyshlennaya str., 198099 St. Petersburg, Russia.

Keywords: Michel Foucault; *gouvernementalité*; governmentality studies; analysis of power relations; state; liberalism; the government of self and others; ethical subject; Russian Foucault; *contresens* in Foucault’s translations.

Gouvernementalité is a neologism that was coined by Michel Foucault in 1978, and soon followed by “governmentality” in English. It has become one of the key concepts in the social sciences. Those terms both refer to the novel perspective that Foucault arrived at to understand and analyze the phenomenon of power or, more specifically, various types of power relations typical of different cultures and political communities. Over the past several decades, that perspective has provided the methodological basis for an emerging interdisciplinary field called Governmentality Studies in the English-language social sciences. One purpose of this approach is to reassess the genealogy and specific features of modern societies and modern states without conceptualizing “power” through the “state” as traditional political philosophy has done. However, contemporary social science in Russia has largely been deprived of the opportunity to use Foucault’s conceptual instruments and research methods because of problems with translation among other barriers.

The article 1) summarizes the Foucauldian critique and analysis of power embedded in the concept of *gouvernementalité* and compares that approach with traditional paradigms in political philosophy, 2) highlights how that concept has been used over the years in Foucault’s works dealing with power relations and the topic of the ethical subject, 3) demonstrates that current Russian translations of Foucault’s primary texts incorporating the term *gouvernementalité* are not merely imprecise, but exemplify what the French call *contresens* — interpretations that directly contradict the essence of the original. As a corpus, the available translations do not convey Foucault’s thought, but rather bar Russian-speaking readers from his conceptual and exploratory perspective.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-179-218

References

- Agamben G. *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniia* [Il regno e la gloria. Per una genealogia teologica dell’economia e del governo], Moscow, Saint Petersburg, Izdatel’stvo Instituta Gaidara, Fakul’tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2018.
- Dean M. *Pravitel’nost’: vlast’ i pravlennie v sovremennykh obshchestvakh* [Governmentality: Power and Rule in Modern Society], Moscow, Delo, 2016.
- Donzelot J., Gordon C. Upravlenie liberal’nymi obshchestvami — effekt Fuko v angloiazychnom mire [Governing Liberal Societies — the Foucault Effect in the English-speaking World]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2008, no. 2 (65), pp. 3–20.

- Dreyfus H., Rabinow P. *Michel Foucault, un parcours philosophique. Au-delà de l'objectivité et de la subjectivité*, Paris, Gallimard, 1984.
- Dreyfus H., Rabinow P. *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*, Chicago, University of Chicago Press, 1982.
- Foucault M. *Bezopasnost', territoriia, naselenie. Kurs leksii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1977–1978], Saint Petersburg, Nauka, 2011.
- Foucault M. *Dits et écrits* (dir. D. Defert, F. Ewald), Paris, Gallimard, 1994, tome IV: 1980–1988.
- Foucault M. *Du gouvernement des vivants. Cours au Collège de France, 1979–1980* (dir. F. Ewald, A. Fontana), Paris, Gallimard, Seuil, 2012.
- Foucault M. *Governmentality. The Foucault Effect. Studies in Governmentality* (dir. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller) (eds), Chicago, University of Chicago Press, 1991, pp. 87–104.
- Foucault M. *Iskusstvo gosudarstvennogo upravleniia* [Gouvernementalité]. *Intellectualy i vlast': Izbr. polit. st., vystup. i interv'iu. Ch. 2* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches and Interviews. Pt. 2], Moscow, Praksis, 2005, pp. 183–211.
- Foucault M. *Le courage de la vérité: Le gouvernement de soi et des autres II. Cours au Collège de France (1983–1984)* (dir. F. Ewald, A. Fontana), Paris, Gallimard, Seuil, 2009.
- Foucault M. *Le sujet et le pouvoir. Dits et écrits* (dir. D. Defert, F. Ewald), Paris, Gallimard, 1994, tome IV: 1980–1988, pp. 222–243.
- Foucault M. *Les aveux de la chair*, Paris, Gallimard, 2018.
- Foucault M. *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboi i drugimi II. Kurs leksii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1983–1984 uchebnom godu* [Le courage de la vérité: Le gouvernement de soi et des autres II. Cours au Collège de France (1983–1984)], Saint Petersburg, Nauka, 2014.
- Foucault M. *Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979* (dir. F. Ewald, A. Fontana), Paris, Gallimard, Seuil, 2004.
- Foucault M. *Pravitel'stvennost' (ideia gosudarstvennogo interesa i ee genezis)* [Governmentality (Idea of State Interest and Its Genesis)]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2003, no. 4–5 (39), pp. 4–22.
- Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs leksii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979], Saint Petersburg, Nauka, 2010.
- Foucault M. *Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1977–1978* (dir. F. Ewald, A. Fontana), Paris, Gallimard, Seuil, 2004.
- Foucault M. *Sub'ekt i vlast'* [Le sujet et le pouvoir]. *Intellectualy i vlast': Izbr. polit. st., vystup. i interv'iu. Ch. 3* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches and Interviews. Pt. 3], Moscow, Praksis, 2006, pp. 161–190.
- Foucault M. *Subjectivité et vérité. Dits et écrits* (dir. D. Defert, F. Ewald), Paris, Gallimard, 1994, tome IV: 1980–1988, pp. 213–214.
- Gouvernementalität der Gegenwart. Studien zur Ökonomisierung des Sozialen* (Hg. U. Bröckling, S. Krasmann, T. Lemke), Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2000.
- Karsenti B. *D'une philosophie à l'autre. Les sciences sociales et la politique des modernes*, Paris, Gallimard, 2013.
- Laborier P. *La gouvernementalité. Michel Foucault. Un héritage critique* (dir. J.-F. Bert, J. Lamy), Paris, CNRS, 2014, pp. 169–181.
- The Foucault Effect. Studies in Governmentality* (eds G. Burchell, C. Gordon, P. Miller), Chicago, University of Chicago Press, 1991.